

многообразно. Часто указывается на неоднородность и парадоксальность молодежи. С одной стороны, молодые люди отвергают предлагаемые обществом социально одобряемые роли и функции поведения, с другой стороны, методом проб и ошибок они все-таки приходят к тому, что их деятельность должна быть оценена социумом. Взаимодополняемость процессов социализации и идентификации помогает молодежи лучше овладевать различными видами деятельности, осваивать социальные роли, принимать и преобразовывать социальные нормы и ценности. Эффективность социализации и успешная самоидентификация являются важнейшими факторами жизнеспособности молодого поколения, а также развития общества в целом.

В литературе отмечается, что в настоящее время растет адаптация молодежи к реальному состоянию общества и условиям повседневной жизни – растет доля определяющих себя как успешных, уменьшился процент относящих себя к бедным. Обнаруживается тенденция роста интернальности, человек начинает смотреть в будущее более уверенно, планировать свою жизнь, привыкая к условиям существования в социальной стране, с которой он себя отождествляет. Интерес к политике остается крайне низким и продолжает падать. Рядовые граждане не видят возможности влиять на ситуацию в широком социальном пространстве. Неустойчивое состояние социальной идентичности становится нормой современных обществ. Специфика России заключается в том, что она переживает «спрессованный исторический период», драматические внутренние трансформации сопряжены с быстрыми и фундаментальными изменениями в миросистеме. В сфере повседневной жизни, с точки зрения З. Баумана, современные общества отличаются от обществ до середины минувшего века: «краткосрочная» ментальность приходит на смену «долгосрочной». Люди принуждаемы объективными условиями перманентных социальных изменений отслеживать свои ориентации в пространстве «Мы – Они» – в своем социальном самоопределении и общественном статусе [1]. По мнению Е. Н. Даниловой, В. А. Ядова, предстоят новые кризисы идентичности, при этом они считают, что собственно кризисной идентично-

стью является состояние людей, не способных в силу разных причин адаптироваться к меняющимся условиям жизни [4].

Литература

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество [Текст] / З. Бауман. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
2. Боряз, В. Н. Молодежь. Методологические проблемы исследования [Текст] / В. Н. Боряз. – Л.: Наука, 1993. – 155 с.
3. Вишневский, Ю. Р. Парадоксальный молодой человек [Текст] / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социологические исследования. – 2006. – № 6. – С. 26 – 35.
4. Данилова, Е. Н. Нестабильная социальная идентичность как норма современного общества [Текст] / Е. Н. Данилова, В. А. Ядов // Социологические исследования. – 2004. – № 10. – С. 53 – 61.
5. Дымов, Э. М. Идентичность молодежи России в контексте социокультурных процессов: [Электронный ресурс] / Э. М. Дымов: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Нальчик: РГБ, 2006. – 151 с.
6. Ковалева, А. И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория / А. И. Ковалева // Социологические исследования. – 2003. – № 1. – С. 109 – 115.
7. Лисовский, В. Г. Эскиз к портрету: жизненные планы молодежи (по материалам социологических исследований) [Текст] / В. Г. Лисовский. – М.: Изд-во МГУ, 1962. – 212 с.
8. Мальцев, А. А. Социализация личности в современном российском обществе: нормы, тенденции и механизмы [Текст] / А. А. Мальцев. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – 30 с.
9. Эриксон, Э. Юность: кризис идентичности [Текст] / Э. Эриксон. – М.: Прогресс, 1996. – 342 с.
10. Ядов, В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности [Текст] / В. А. Ядов // Психология самосознания. Хрестоматия. – Самара: БАХРАХ-М, 2000. – С. 589 – 601.

УДК 159.923.2/39

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ САМОСОЗНАНИИ

Г. Н. Кризер

Проблема этнического самосознания и этнической идентичности в зарубежной науке разрабатывалась многими учеными, среди которых, М. Лацарус, Х. Штейнталь, В. Вундт, Г. Лебон, З. Фрейд, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Строс, Ф. Боас, Р. Бенедикт, М. Мид. Данная проблема рассматривалась в работах отечественных ученых Н. И. Надеждина, В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, Ю. В. Бромля, В. О. Ключевского, П. И. Кушнера, А. А. Потебня,

Д. Н. Овсянко-Куликовского, Г. Г. Шпета, Л. Н. Гумилева.

Методологические и концептуальные разработки этнического самосознания в русле развития личности отражены в работах Л. С. Выготского, А. Р. Лурия, Б. Г. Ананьева, Б. Ф. Поршнева, И. С. Кона, Г. Н. Волкова, В. С. Мухиной и др.

В последние годы большой вклад в развитие понимания данной проблемы внесли В. С. Агеев, Е. Н. Галкина, О. Л. Романова, Н. М. Лебедева,

Г. У. Солдатова, З. В. Сикевиц, А. В. Сухарев, Л. М. Дробизева, В. Ю. Хотинец, В. С. Мухина, Б. А. Вяткин, Ю. В. Филиппов, А. И. Донцов, Т. Г. Стефаненко, Е. Б. Весна, А. А. Налчаджян, В. П. Левкович, Е. П. Белинская, А. П. Оконешникова, М. С. Яницкий и многие другие ученые.

Вопрос о соотношении понятий «этническое самосознание» и «этническая идентичность» рассмотрен Г. У. Солдатовой. В широком междисциплинарном ракурсе эти понятия нередко рассматриваются как тождественные. Однако этническая идентичность вовсе не является синонимом этнического самосознания. С одной стороны, этническая идентичность уже. Это когнитивно-мотивационное ядро этнического самосознания. С другой, шире, так как содержит в себе слой бессознательного. В силу этих различий этническая идентичность выступает как главная характеристика и форма этнического самосознания, а также как его «изнанка» – этническое бессознательное [13].

Этническое самосознание – относительно устойчивая система осознанных представлений и оценок, реально существующих этнодифференцирующих и этноинтегрирующих признаков жизнедеятельности этноса [15].

Этническая идентичность означает индивидуальное соотнесение личности с культурно-отличительной общностью. Этническая общность – группа людей, члены которой имеют общее название и элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и общей исторической памяти, ассоциируют себя с особой территорией и обладают чувством солидарности. По сути, основным в феномене этничности является понятие «идентичность», близкое по смыслу понятию «этническое самосознание» в русскоязычной литературе [14].

Этническое самосознание включает идентификацию индивида с определенной этнической общностью на основе осознания своей принадлежности к определенному народу. Этническое самосознание – социально-психологический результат эмоционально-когнитивных и ценностных процессов этнической идентификации [5].

Этническая идентификация – психический процесс, с помощью которого индивид (или группа) определяет, к какому этносу принадлежит другой индивид (или группа).

Этническая самоидентификация – процесс, включения человеком себя в определенную этническую группу [7].

Таким образом, понятие «этническое самосознание» отличается объемностью, многоаспектностью. В нем отражаются особенности мировосприятия индивидом, группой, этносом характеристик этноинтегрирующих и этнодифференцирующих, особенности осознания принадлежности к определенным общностям, этническое самосознание невозможно без участия процессов идентичности, идентификации, самоидентификации.

Психологические исследования этнического самосознания условно мы выделяем в следующие направления:

- теория социально-психологических исследований этнического самосознания различных народов и народностей;
- уровневая теория этнического самосознания;
- этнокультурные (этнофункциональные) исследования.

В рамках данных направлений выделяется широкий спектр психологических, социологических и других школ и концепций, среди них: психоаналитическая, интеракционистская, когнитивно-генетическая, функционально-исследовательская, антропологическая, этнопсихологическая и другие. Большинство западных ученых придерживаются психоаналитической концепции, среди отечественных ученых особое место занимает этнопсихологическая школа.

В зарубежной психологической литературе одним из первых природу идентичности исследовал У. Джемс. Он, изучая психологию личности, выделил социальный фактор в осознании личностью себя и представил его в качестве одного из определяющих элементов. В этих идеях лежат предтечи объяснительного принципа социальной природы идентичности личности и, в частности, ее принадлежности к своему этносу [4].

Этническую идентичность как предмет изучения выделял З. Фрейд. Идентификация в психоанализе З. Фрейда, рассматривается не только как механизм формирования личности, но также и как механизм формирования родовой сплоченности, родового самосознания.

З. Фрейд рассматривал идентификацию как самоотождествление человека со значимыми личностями, по образу которых он подсознательно или сознательно старается действовать. Концепции идентификации разрабатывались Э. Эриксоном, Э. Гофманом, Ш. Страйкером, Р. Линтоном, Т. Парсонсом [3].

Последователь психоаналитического направления Э. Эриксон разработал развернутую теорию идентичности. Он определил идентичность как внутреннюю непрерывность и тождественность человека самому себе; как тождественность человека своему этносу, историческому статусу и т. д. Согласно Э. Эриксону, процесс развития идентичности продолжается всю жизнь и не является линейным [3].

Большинство концепций признают идентичность личности с ее социальными ролями, понимаемыми в основном как комплексы норм или комплексы ожиданий. Личность в связи с этим понимается как совокупность взаимосвязанных и влияющих друг на друга идентитетов, т. е. определенных себя через отнесение к разным общностям. Между ними не исключены внутренние противоречия, в большинстве случаев внешне обусловленные.

Феномен идентичности исследовали, в частности, Г. Брейкуэлл, Дж. Марсиа, А. Ватерман, Дж. Мид, Г. Теджфел, Дж. Тернер, А. Дашевски, Г. Шапиро [12].

Особое место в ряду исследований идентичности занимает антропологическая школа, представи-

телями которой являются Ф. Боас, Р. Бенедикт, М. Мид.

Анализируя культуру, Ф. Боас рассматривает ее как совокупность моделей поведения, которые человек усваивает в процессе взросления и принятия им своей культурной роли. По существу, здесь речь идет об этнической идентичности и этническом самосознании.

Развивая идеи культурного развития личности, Р. Бенедикт предполагала необыкновенную податливость человеческой природы: социальное и культурное окружение фактически лепит из личности все, что ей угодно, личность становится как бы частью культуры [12].

В свою очередь, М. Мид считала, что личность может быть понята только при условии знания того, какова культура, её развивающая. Для этого требуется тщательное изучение самой культуры. При этом важно учитывать климатогеографические условия, уклад жизни, а также знание того, в какой форме используются исконные традиции и обычаи, и как люди осознают объективные факты своего бытия.

В исследованиях этнокультурной идентичности можно выделить два общих направления [11]. Первое направление характеризуется представлением об этнокультурной идентичности как статичном феномене, допускающем выделение устойчивых типов. Отличительной особенностью второго направления является отказ от типологизации и замена статической перспективы динамической. Вместо выделения типов идентичности в русле второго подхода выделяются стадии (уровни) единого процесса формирования этнокультурной идентичности. Стадийный подход, в отличие от типологизационного, описывает не личностные типы, а те этапы развития, которые проходит личность. Соответственно, социальные установки и поведение индивида понимаются не как фиксированные и изначально заданные принадлежностью к той или иной культуре, а как гибкие и пластичные, как функция определенного этапа формирования личностной идентичности.

Стадийный подход к исследованию этнокультурной идентичности характеризуется пониманием этнокультурной идентичности как комплексного многомерного феномена, включающего самоидентификацию, осознание принадлежности к особой этнокультурной группе, лояльность по отношению к своей этнокультурной группе, проявляющиеся на когнитивном и эмоциональном уровнях.

Пятиступенчатую модель формирования этнокультурной идентичности, применимую не к какой-то одной, а к различным этнокультурным группам, разработали Д. Эткинсон, Дж. Мортен и Д. Сю (оригинальное название – «модель формирования идентичности меньшинств») [11]. Модель интерпретирует формирование этнокультурной идентичности как непрерывный процесс, одна стадия которого плавно переходит в другую; между стадиями не существует строгих границ. Не все представители этнокультурных групп на протяжении своей

жизни проходят через все пять стадий, большая часть людей проживают свои жизни, не сходя с первой стадии. Более того, с точки зрения авторов пятиступенчатой модели, процесс формирования этнокультурной идентичности не является необратимым: те представители этнокультурных групп, которые воспитывались родителями, находившимися на пятой стадии процесса формирования этнокультурной идентичности, при столкновении с ситуациями, в которых необходимо утверждать собственную идентичность, переходят с пятого на один из нижестоящих уровней. С другой стороны, для того, чтобы успешно функционировать на более высоких уровнях, совершенно не обязательно проходить через нижестоящие уровни. Некоторые люди, родившиеся и выросшие в семьях, функционировавших на пятом уровне, никогда не переходят на первый уровень самоидентификации.

На первой стадии модели Д. Эткинсона, Дж. Мортена и Д. Сю представители этнокультурной группы однозначно предпочитают ценности и нормы доминантной культуры общества ценностям и нормам своей культуры. Выбор ролевых моделей, жизненных стилей, системы ценностей – все направлено на следование за доминантной группой. Этнотифференцирующие физические и культурные отличия своей группы служат причиной страдания и либо презируются, либо вытесняются из сознания. Отношение к себе, к членам своей группы и к другим этнокультурным группам «затемнено» самоидентификацией с доминантной культурой.

На второй стадии – стадии диссонанса – отсутствует ориентация на какую-либо культуру, одновременно ставятся под сомнение ценности и социальные установки, приобретенные на первой стадии – стадии конформности.

На третьей стадии – стадии сопротивления и иммерсии – индивид полностью принимает представления, разделяемые своей группой, полностью отвергает доминантное общество и его культуру. Важнейшим мотивом в поведении индивида становится желание избавиться от господства доминантной культуры.

На четвертой стадии – стадии интроспекции – индивид переживает неудовлетворение «застыванием» своей группы на этапе сопротивления и иммерсии. Ведущим мотивом становится стремление к расширению индивидуальной автономности.

На завершающей стадии синергетического присоединения разрешаются конфликты, характерные для стадии интроспекции, снимается связанный с этими конфликтами дискомфорт, в результате личность обретает большую степень самоконтроля и адаптивности. Культурные ценности других этнических групп, в том числе доминантная культура общества, рассматриваются объективно и либо принимаются, либо отвергаются, исходя из того опыта, который был приобретен на более ранних этапах формирования этнокультурной идентичности.

Таким образом, в зарубежной психологии на протяжении XX века зарождаются и начинают раз-

живаться теории тождественности, идентичности личности, этнической идентичности, этнокультурной идентичности.

В России с середины XVIII века философы и историки начали уделять внимание природе этничности, менталитета народов. При этом огромное внимание уделялось именно этническому самосознанию, психологии русских и роли русской нации в мировой истории. В этот период общественная мысль России разделилась на два интеллектуальных направления – славянофильство и западничество.

Представителем славянофильского направления является философ В. С. Соловьев. В своей работе «Русская идея» В. С. Соловьев считал этническое самосознание своего рода искушением нации, «толкающим народы на поклонение своему собственному образу, вместо высшего вселенского Божества». Этничность народа он рассматривает через религиозную идею: «Ибо идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [10, с. 187]. И только то этническое самосознание, по его мнению, было приемлемо, которое помогало народам поддерживать национальные различия, которые «должны пребывать до конца веков», а «народы должны оставаться на деле обособленными членами вселенского организма» [10, 188].

Н. А. Бердяев отмечал признаки «размытости» этнической идентичности: «Русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже – увьи! – чуждо национальное достоинство» [1, 14]. Здесь необходимо остановиться на высказываниях автора по поводу того, что формирование и становление личности невозможно без существования этнической идентичности: «Человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек, как русский, француз, немец или англичанин. Человек не может перескочить через целую ступень бытия, от этого он обеднел бы и опустел бы. Национальный человек – больше, а не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуально-национальные. Можно желать братства и единения русских, французов, англичан, немцев и всех народов земли, но нельзя желать, чтобы с лица земли исчезли выражения национальных ликов, национальных духовных типов и культур» [1, с. 14].

Конечно, Н. А. Бердяев в изучении национальной психологии не избежал субъективного подхода, например в типологизации этнических особенностей.

Особую ценность имеет первый в России обобщающий труд по этнопсихологии: «Введение в этническую психологию» Г. Г. Шпета. Описывая методологию этнической психологии, он выделяет структуру общественной, коллективной жизни через научный подход. Анализируя понятие «коллективность», он отдает предпочтение такой интерпретации соответствующего предмета, при которой отдельный индивид уже изначально выступает в качестве репрезентанта конкретной этнической соци-

альной общности. Каждый, исторически образующийся коллектив, – народ, класс, союз, город, деревня – по-своему воспринимает, воображает, любит, ненавидит объективную текущую обстановку, условия своего бытия, само это бытие – и именно в этом его отношении ко всему, что объективно есть, выражается его «дух» или «душа», или его «характер» в реальном смысле [16, с. 479].

Проблему этнического самосознания личности Г. Г. Шпет решает через его отношение к им же созданным духовным ценностям. Каждый индивид является «репрезентантом всей реагирующей группы, его личные переживания, согласно Г. Г. Шпету, предопределяются всей массой апперцепции, составляющей коллективность переживаний его рода, т. е. как его современников, так и его предков» [16, с. 565]. Это значит, что укорененность индивида в этнической общности оборачивается его укорененностью в истории своего народа.

Исследуя процесс развития этнического самосознания личности, Г. Г. Шпет подчеркивал, что культура является одним из важнейших медиаторов в процессе формирования типичных для данного этноса переживаний, помогая вхождению человека в этот этнос. Г. Г. Шпет пишет: «Социальные явления, язык, миф, нравы, наука, религия, просто всякий исторический момент вызывают соответствующие переживания человека. Как бы индивидуально ни были люди различны, есть типически общее в их переживаниях как «откликах» на происходящее перед их глазами, умами и сердцем» [16, с. 546].

Причастность каждой отдельной личности к национальной истории измеряется не биологической наследственностью, а степенью сознательно-го приобщения к тем культурным ценностям и святыням, которые образуют содержание этой истории. «Духовное богатство индивида, – отмечает Г. Г. Шпет, – есть прошлое народа, к которому он сам себя причисляет» [16, с. 574].

Ю. В. Бромлей в своей теории этногенеза раскрывает представление о структуре этнического самосознания. Он ввел в научный обиход узкое и широкое понимание этнического самосознания: в узком понимании этническое самосознание интерпретируется как осознание принадлежности к этнической общности, в широком – оно означает еще и представления людей о культуре, языке, историческом прошлом своего народа, в том числе о государственности, территории [2, с. 173].

В отечественной психологии Б. Ф. Поршнев разработал историко-психологическую концепцию межгрупповых отношений, основанную на оппозиционных принципах «Мы – Они». Этот принцип обеспечивает, с одной стороны, обособление этносов и сохранение их этнокультурной специфики, и с другой – сближение этносов, уподобление их друг другу в ходе межэтнических заимствований и обмена [8].

Б. Ф. Поршнев, используя термин «уподобление», говорит фактически об идентификации, так как не ограничивает уподобление только подража-

нием внешним признакам, а подчеркивает факт сходства и в побуждениях, и в поведении. Истоки уподобления он относит к выработанной еще у животных подражательности, не сводя, однако, уподобления только к ней. За счет механизма заражения, образование общности усиливает или тормозит различные чувства и действия людей. Только отличая себя от других общностей и групп, индивиды уподобляются в чем-то членам общей группы и начинают осознавать свою принадлежность к некоему «мы». Иначе говоря, можно сказать, что через обособление и уподобление индивид получает возможности для развития, самореализации и персонализации. Следовательно, в филогенезе идентификация (уподобление, по терминологии Б. Ф. Поршнева) неизменно сопровождается или предваряется обособлением, как условием ощущения себя частью «мы». Б. Ф. Поршнев подчеркивает, что «глубочайшей сущностью этнических (будь-то этнопсихологические, этнокультурные или этнолингвистические) противопоставлений является сама граница. Этническое самосознание одной сущности и ее представление о другой выступают как производные от этого инициального факта: от наличия между ними рубежа. Удивительное логическое свойство границы состоит в том, что она принадлежит одновременно обоим разграничиваемым явлениям. А если эти явления не просто различимы, но противоположны друг другу, то граница соединяет в себе несоединимое. А уже за пределами границы и чем дальше от нее, тем однозначнее оба противоположных явления обретают каждое свое собственное бытие» [8, с. 12].

Таким образом, на материале этнического самосознания Б. Ф. Поршнев установил общий психологический принцип: «Всякое противопоставление объединяет, всякое объединение противопоставляет: мера противопоставления есть мера объединения» [9, с. 14].

Этническое самосознание в отечественной психологии рассматривается в структуре личностного самосознания как более общее понятие. Согласно концепции В. С. Мухиной, самосознание – универсальная, исторически сложившаяся и социально обусловленная психологическая структура, присущая каждому социализированному индивиду. Эта структура состоит из звеньев, которые составляют содержание ключевых переживаний личности и выступают внутренними факторами рефлексии её отношения к самой себе и окружающему миру [6]. Исследователями (Т. Г. Стефаненко, А. А. Налчаджян, В. П. Левкович, Е. П. Белинская и др.) признается трехаспектная структура этнического самосознания. Выделяют когнитивный, или содержательный, эмоциональный и поведенческий, или динамический, компоненты. К когнитивному (содержательному) относят этническую идентичность или отождествление с этносом, проявляющуюся в этнониме (самоназвании); этностереотипы – представления об особенностях своего (автостереотипы) и других (гетеростереотипы) этносов; отражение в самоназвании этноинтегрирующих, объединяющих с этносом

и этнодифференцирующих, отличающих от других этносов признаков. К эмоциональному компоненту относят осознание значимости, ценностное отношение к членству в этнической группе. К поведенческому – аттитуды в отношении собственной и других этнических групп, стратегии межгруппового взаимодействия, ценностные ориентации как регуляторы социального поведения личности.

Современное состояние этнического самосознания молодежи является отражением состояния этнического самосознания в обществе. Практика показывает, что готовность к благоприятному межкультурному взаимодействию со стороны прежде всего молодых людей сформирована недостаточно. Предметом нашей диагностики была когнитивная сторона этнического самосознания, а также значимость этнокультурных проблем для студентов.

С этой целью мы использовали анкетный опрос, в котором приняли участие 98 русских студентов. Самостоятельную группу составили испытуемые, не отнесшие себя по самоопределению к русской национальности. Данные по этой группе, учитывая её немногочисленность, использовали лишь для отдельных сравнений. В рамках исследования анализировались представления о соблюдении обычаев, традиций своего народа. Придерживаются традиций всегда 37 % опрошиваемых, иногда 55 %, нет – 8 %. Что касается исследования устойчивости этнической идентичности, то 95 % выразили нежелание быть представителями другой культуры и менять национальность не желают. Ценностное отношение к современному историческому периоду в развитии России в основном положительное (47 %), нейтральное (34 %), отрицательное (18 %). Предпочитают жить в России в настоящем периоде времени – 69 %; в будущем – 26 %; в прошлом – 5 %. В качестве подтверждения принадлежности исследуемых к тому или иному типу культуры использовался тест культурно-ценностных ориентаций Дж. Таусенда в модификации Л. Г. Почебут. Большинство опрошиваемых выражают принадлежность к современной культуре (73 %), динамично развивающемуся типу культуры (18 %), предпочитают тип традиционной культуры (9 %).

При исследовании «образа народа» получены как положительные, так и негативные автостереотипы. Более часто упоминают такие особенности народа, как добрый, сильный, смелый, весёлый, беспечный, трудолюбивый, доверчивый, открытый, гостеприимный, и реже называют – терпеливый, талантливый, умный, справедливый. Незначительное количество составили негативные автостереотипы: «несерьёзное отношение», ленивый, «надеются на авось», «душа нараспашку», «бросающиеся в крайности». Содержание гетеростереотипов также выявило противоречивый характер. К положительным характеристикам, отличающихся от других народов, были отнесены: обычаи, язык, специфический менталитет, преданность; из числа негативных названы: алкоголизм, «в настоящее время перестал быть сплочённым», «умом не понять».

В целом для большей части студентов характерна неактуальность этнокультурных проблем, противоречивый характер авто и гетеростереотипов, положительное самоотношение в связи с этнической принадлежностью.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Судьба России: избр. произведения [Текст] / Н. А. Бердяев. – Ростов-на-Дону, 1997. – С. 444.
2. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса [Текст] / Ю. В. Бромлей. – М., 1983.
3. Воропаева, Т. С. Идентификация как психологический механизм формирования этнического самосознания [Текст] / Т. С. Воропаева // Мир психологии и психология в мире. – 1995. – № 1. – С. 7 – 12.
4. Джемс, У. Психология [Текст] / У. Джемс. – М.: Педагогика. – 1991. – С. 142.
5. Дугарова, Т. Особенности этнического самосознания подростков бурят в современных условиях [Текст] / Т. Дугарова // Развитие личности. – 1999. – № 4. – С. 99 – 113.
6. Мухина, В. С. Личность и этносы в условиях столкновения цивилизаций [Текст] / В. С. Мухина // Мир психологии. – 2001. – № 4. – С. 112 – 126.
7. Налчаджян, А. А. Этнопсихология [Текст] / А. А. Налчаджян – СПб.: Питер, 2004. – С. 381.
8. Поршнев, Б. Ф. Социальная психология и история [Текст] / Б. Ф. Поршнев. – М., 1966.
9. Поршнев, Б. Ф. Противопоставления как компонент этнического самосознания [Текст] / Б. Ф. Поршнев. – М., 1973.
10. Соловьев, В. С. Русская идея [Текст] / В. С. Соловьев // Русская идея: сб. – М., 1992. – С. 187 – 188.
11. Ставропольский, Ю. В. Модели этнокультурной идентичности в современной американской психологии [Текст] / Ю. В. Ставропольский // Вопросы психологии. – 2003. – № 6 – С. 112 – 121.
12. Стефаненко, Т. Г. Этническая психология [Текст] / Т. Г. Стефаненко. – М.: Институт психологии РАН, 1999. – 295 с.
13. Солдатов, Г. У. Психология межэтнической напряженности [Текст] / Г. У. Солдатов. – М., 1998. – С. 48.
14. Тишков, В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии [Текст] / В. А. Тишков. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
15. Хотинец, В. Ю. Этническое самосознание [Текст] / В. Ю. Хотинец. – СПб., 2000.
16. Шпет, Г. Г. Введение в этническую психологию [Текст] / Г. Г. Шпет – СПб., 1996.